

*You may walk and you may run
You leave your footprints all around the sun
And every time the storm and the soul wars come
You just keep on walking*.*

К. Макдональд / Р. Макдональд — RUNRIG**

* Можешь бежать, а можешь идти,
Ты оставишь повсюду следы на пути,
Но всем штормам и смуте в душе вопреки
Просто иди (*пер. с англ. редактора*).

** Runrig — шотландская кельтик-рок-группа.

Дорогая Алине!

Есть кое-что, о чем я никогда тебе не рассказывал. Все эти годы эта тайна мучила меня. Ты всегда была так добра ко мне. Я вовсе не заслуживаю твоей доброты. И ты всегда слушаешь, не осуждая. Но эту тайну я не был готов тебе открыть. До сегодняшнего дня. Ты, конечно, поймешь, почему я так долго ее хранил, ведь тому, о чем я хочу тебе рассказать, не может быть никакого оправдания. Единственное, что я могу сказать в свою защиту, — я расскажу тебе о бездонном отчаянии мальчика. В тот день весь мой мир рухнул, и я никогда не смогу простить себе того, что сделал.

Черные, как дым от горящего мха, облака наползали с юга и несли с собой каскады проливного дождя. Горы здесь были самыми крутыми и самыми опасными на Лофотенских островах, оползни случались очень часто, и летом, и зимой. Те, кто все-таки решился поселиться у подножия этих колоссов, строили дома так, чтобы они выдерживали лавины и сели. Однако горы вероломны и непредсказуемы, море так и стремится утянуть тебя в свои пучины, а лавина — упокоить на веки вечные под снегом. Силы природы обратили поселенцев в бегство, и большинство деревушек в районах оползней теперь были покинуты и пустынные, хотя некоторые из них и прославились благодаря интересу туристов к былым временам.

Ветер усилился и взбурлил воду во фьорде. Дождевые потоки хлестали по горным склонам, размывали тысячелетние ущелья, и, наконец, последний удар нанесла сила тяжести. Огромный валун оторвался от склона и полетел вниз, врезаясь в гору чуть ниже и раскололся на тысячи мелких камней. Нарастающий рев заполнил фьорд, казалось, горы разом издали доисторический вздох. Оползень подковой двинулся вниз и утащил за собой старый лодочный сарай, мгновенно разлетевшийся в щепки. Облако

из земли и камней последовало за бурлящим потоком, врезалось во фьорд и разбилось о волну, рожденную встречным ветром.

Звук умер так же резко, как и возник. Облако пыли долго висело в воздухе, а затем, медленно тая, приоткрыло изменившуюся гору. Разлом, как будто вырезанный лазером, сильно отличался от грубо вырубленных скал. А там, где горный склон был пологим и поросшим травой, образовалась глубокая расщелина.

ГЛАВА 2

Офицер полиции Бергер Фалк сидел на палубе, несмотря на неприятный ветер и высокую скорость. Ему нужно было привести мысли в порядок. Сандра, его единственная дочь, очень переживала за отца, — несколько лет подряд она неустанно твердила ему: «Тебе нужно кого-нибудь найти, ты что, собираешься прожить отшельником до конца жизни?» И прочее в том же духе. Ему, в общем-то, нечего было возразить, кроме того, что незамужних женщин в Рейне можно пересчитать по пальцам одной руки. Он перечислил ей всех и отверг каждую из кандидаток. Сандра и так всех их знала и понимала, что всего лишь одна из них по возрасту подходит отцу, при этом из-за психических особенностей к этой женщине давным-давно прицепилось довольно сомнительное прозвище, пожалуй, что уже никто и не помнил, как ее на самом деле зовут. Сандра возразила, что можно найти свою любовь и за пределами Рейне, и хотя он думал, она имеет в виду ближайшие городки, на самом деле дочь показала ему целый мир женщин, которые мечтают лишь о нем одном, а находятся на расстоянии одного клика мышкой. Он ответил, что об этом и речи не идет, подобный способ знакомства отдает холодным расчетом. Все-таки уже через несколько

дней он, стыдясь самого себя, зарегистрировался на одном из многочисленных сайтов знакомств, которых полно в интернете. И вот — почти год спустя — впервые сблизился со своей интернет-знакомой.

Женщина жила на юге, но родом была из Сволвера, так что считала себя кровной северянкой, это было очень важно. Так считала она. Он, к своему опасению, согласился с ней, и вот теперь сидел — абсолютно продрогнув — и все лучше понимал, что далековато вышел за пределы зоны комфорта Бергера Фалка.

— Подмерз? — шкипер судна «Лофотфьорд-II», Улав Рист, выглянул из открытой двери рубки. Рист перевозил пассажиров по фьорду, сколько Фалк себя помнил, кроме разве что этой зимы, когда агрессивный рак выбил его из игры. Ходили слухи, что Рист был при смерти, однако около месяца назад он вернулся на свое место, изрядно похудевший, но все тот же старый добрый шкипер. Ристу почти исполнилось семьдесят пять, и раз уж раку не удалось поставить его на колени, трудно было даже представить себе, что могло бы лишить его призвания.

— Иду к тебе!

Хотя они находились еще довольно далеко от берега, Фалк уже разглядел расщелину в горе. Такого сильного оползня местные и не помнили, а что еще хуже — под завалом оказался популярный туристический маршрут в Винстаде, в разгар сезона довольно многолюдный. Меньше всего муниципалитету Москенес было нужно, чтобы туристы выбрали себе другую природную жемчужину.

Лишь зайдя в рубку, Фалк осознал, что промерз до самых костей. Рист криво улыбнулся ему.

— Надеюсь, ничего серьезного здесь не случилось?

Фалк уже рассказал Ристу, что на острове был обнаружен человеческий череп. Офицер решил, что раз уж шкиперу приходится делать внеочередной рейс, он имеет право знать некоторые детали. К тому же сарафанное радио работало здесь так же хорошо, как и везде. И слухи настигли бы его в любом случае.

— Не думаю. Здесь всегда найдется работа для археолога. Скорее всего, какой-нибудь паренек из пещерных времен, вот увидишь.

Давным-давно в одной из заброшенных рыбацких деревень была обнаружена пещера, которая сразу же стала туристической достопримечательностью, хотя попасть туда могли только по-настоящему заинтересованные.

— Конечно, — согласился Рист, снижая скорость. На причале стоял человек с собакой на поводке. Немного поодаль сидели женщина и годовалая девочка — обе что-то высматривали.

«Хороший отвлекающий маневр», — подумал Фалк, решив, что женщина ищет на мелководье подарки последнего прилива.

Мужчина протянул потную руку в знак приветствия.

— Его нашла Лайка, — бордер-колли приветливо завила хвостом и рванула поводок, чтобы обнюхать новоприбывших. — Сесилия — моя жена — настояла на том,

чтобы вызвать полицию. Конечно, скорее всего, это древний череп, но все же.

Фалк кивнул и оглядел место происшествия. Знаменитая пещера находилась на другой стороне горы и выходила в открытое море. То есть теория подтверждалась: укрытие пещерного человека из тех времен, когда на охоту ходили с копьем и топором. Легким кивком головы офицер поприветствовал женщину, которая, как он и предполагал, перебирала ракушки, а затем направился к расщелине вместе с собакой и ее хозяином.

Яма оказалась глубже, чем он себе представлял. Глубокая впадина, как будто процарапанная гигантским когтем, по обе стороны которой на десятки метров были рассыпаны комья земли и камни. Оползень миновал маленький летний домик, но забрал с собой лодочный сарай, тем самым напоминая, что опасность подстерегает каждого.

Мужчина поднялся чуть выше по склону и указал в глубину ямы:

— Там, внизу!

Фалк сразу же заметил лежащий на маленьком камне череп.

— Лайка совсем разволновалась. Я видел, она побежала вниз, и подошел посмотреть. И сразу же заметил, где именно она копала. Там на виду было несколько костей, и, как я уже сказал, Сесилия отказалась идти дальше, пока мы не заявим в полицию.

Фалк посмотрел наверх на нависающую гору, а затем осторожно спустился в яму. Когда он представил себе, что,

чтобы преодолеть пятьсот-шестьсот метров до того места, где он сейчас находился, оползнию понадобилось всего несколько секунд, по спине у него побежали мурашки. Миниатюрное цунами, по всей видимости, прокатилось по фьорду, но затихло, еще не достигнув берега.

Хотя череп положили на камень из лучших побуждений, в этом было что-то кинематографичное. Офицер прошел еще несколько метров и сразу же заметил еще несколько костей. Он наклонился и чуть было не поднял с земли то, что посчитал локтевой костью, но в последний момент удержался. Останки не имели ничего общего с пещерным человеком. Конечно, нет. Он огляделся. Может, какая-то семья решила похоронить кого-то из родственников за пределами кладбища?

— Что скажете? — мужчина нетерпеливо оглядывался. Ему явно очень хотелось побыстрее продолжить свою прогулку.

— Это скелет, ни больше, ни меньше. Вы шли в Бюнес, так?

Мужчина кивнул.

— Тогда я советую вам продолжить путь. Еще полчасика, и солнце сядет за гору.

Мужчина попрощался, и Фалк остался в яме один, не очень представляя, что ему делать дальше. Он уже убедился, что вызвали его не зря, оползень вытащил на поверхность человеческий скелет. Фалку оставалось только надеяться, что тело похоронили здесь много веков назад. Сейчас нужно сообщить о находке в управление, чтобы

ленсман предпринял необходимые меры. Офицер осторожно поднял череп с земли. И собака, и ее хозяин уже оставили на нем свои отпечатки, так что тут он уже не навредит. К тому же Фалк сомневался, что ленсман просто зафиксирует находку, не более. Скорее всего, кто-нибудь из давно покинувших эти места мог бы поведать о древнем частном захоронении, тогда находку легко будет объяснить.

Но пока офицер стоял и смотрел на голый череп, подсознание прошептало ему, что находка была гораздо страшнее, что покойник умер вовсе не от старости в окружении любящих родственников, и в последний путь провожал погибшего лишь тот, кто и вырыл ему эту могилу. Фалк присел на корточки и расчистил немного земли рукавом куртки, решив свалить всю вину на собаку. Из земли появились еще несколько костей и истлевшая грязная одежда. Впервые за свои шестьдесят с лишним лет Фалк видел настоящий скелет — настолько скучной была его полицейская служба. И тем не менее он заметил что-то странное. Маленькие фаланги. Слишком маленькие. Потому что все они были сломаны. Все до единой.

ГЛАВА 3

Он проснулся, как обычно, от того, что сон изменился, звуки стали более приглушенными и отдаленными, но в то же время более четкими. К тому же во сне не было *запахов*. Конечно, ему могли присниться зловонные раны и ароматные бальзамы, но запахов никогда не было. Только пустое телесное ощущение, не более. А сейчас он ощущал запахи. Сначала сухой воздух, просачивающийся в палату из вентиляции, потом запах постельного белья, раздражающе нейтральный, но в то же время очень яркий. Как только мысли обрели большую четкость, появились и более отдаленные ощущения: аромат кофе — кофе везли по коридору на завтрак, запах свежеевыпеченного хлеба — все они постепенно заполнили комнату. Потом появились звуки. Сначала только резкие и четкие: металлический звон тележек, на которых медсестры развозили лекарства, похлопывание сандалий по свеженатертому полу, а также приглушенный разговор, за которым последовал чей-то сдержанный смех. У кого-то сегодня хорошее настроение. Затем едва слышно зашуршала вентиляция, этот звук менялся каждый раз, когда дверь в палату открывалась. Бывало, входящие очень старались зайти беззвучно, чтобы не потревожить его сон, но шуршание всегда их выдавало.

Палата, в которой он лежал, была квадратной, каждая стена — примерно четыре метра в длину. Он никогда этого не видел и вряд ли бы когда-либо смог, но все-таки точно знал. Он считал шаги медсестер от двери до кровати, а еще когда они везли его в ванну, расположенную на другой стороне комнаты за раздвижной дверью. Слева от него находилось окно, и иногда ему казалось, что, когда раздвигают шторы, он улавливает лучи света. В глубине души он понимал, что это не настоящее ощущение, а лишь плод его воображения. После тех роковых секунд в гараже он больше не различал свет и тьму.

Горло во время сна пересохло, но он знал, лучше об этом не думать, иначе жажда вызовет приступ тошноты.

Дверь на свежесмазанных петлях тихо открылась, вентиляция зашуршала громче. Медсестра зашла в палату.

— Проснулись, Герой?

Они называли его Героем, как будто в том, как он цепляется за жизнь, есть какой-то подвиг. Он так и не понял, как им удастся различать, проснулся он или спит, возможно, благодаря более глубокому дыханию во сне. Сегодня работала та блондинка с ясными голубыми глазами и кудрявыми волосами по плечи. По крайней мере такой он себе ее представлял, такой портрет рисовал ее мягкий теплый голос. Легкие короткие шаги, шлейф запаха шампуня — и сомнений не оставалось: это была она. Он почувствовал, как к губам прижали стакан, затем первые капли воды. Открытые раны сжались и выплеснули волну боли, все тело содрогнулось, оно горело так же, как тогда, когда

пламя расплавил его кожу и превратило ее в тесный, плохо сшитый костюм. Стон вырвался из желудка, ведь его рот и горло не могли производить звуки.

— Ну, ну, — мягким платком она вытерла ему с губ капли жидкости. От платка пахло так же, как от постельного белья.

Еще капли. Ощущения стали менее яркими, но казалось, будто вода заполнена осколками стекла. Он смог осилить только один глоток. Остальную жидкость он получал внутривенно вместе с другим питанием. В больнице Хаукеланд ему еще удавалось проглатывать холодный суп, но здесь, в пансионате, уже не получалось. Здесь он был во власти Дьявола.

После пожара он, наверное, похудел килограмм на двадцать. Чем меньше подкожного жира, тем больше риск пролежней, но пока ему удавалось переворачиваться в постели, стараясь не лежать долго на спине.

— Попробуем позавтракать сегодня? — прошептала она, надеясь, что так слова прозвучат менее угрожающе.

Все удивлялись, что он отказывался есть, ведь, когда его переводили к ним из больницы, в документах значилось, что он может принимать пищу. Он осторожно помогал головой, сразу же почувствовав, как натянулась кожа за ухом и на шее. Попытки кивать и мотать головой были его единственной возможностью поддерживать общение. Еще в больнице Хаукеланд врачи и медсестры пытались установить с ним диалог — один поднятый палец «да», два пальца — «нет», но так как все общение сводилось

к каким-то несущественным деталям, он решил не затруднять себя.

— Может, попозже?

Мягкая ладонь осторожно коснулась щеки, и она бесшумно вышла из комнаты. Она ему нравилась, помимо мягкости и доброты она обладала еще и потрясающей красотой. Так он решил. Одно то, что она способна находиться возле него, вызывало уважение. Он чувствовал, что в отличие от других медсестер она искренне сочувствовала ему. Она сказала, ее зовут Йориль. Ему казалось, имя не совсем ей подходит, ни той внешности, которую он себе вообразил, ни ей как человеку, но так уж и быть. Йориль хорошая.

Следующим пунктом программы был утренний туалет. Он это ненавидел. Унижение. Сидя, как женщина, при поддержке отвернувшейся медсестры. Звуки и запахи выдавали самое интимное, самое сокровенное. В такие моменты он понимал, как ненавидят медсестры свою работу.

Йориль оставила дверь открытой, так что постукивание сандалий было лучше слышно. От мягких грациозных шажков до тяжелой медленной поступи. Был среди медсестер тяжеловес. Элла. Ему не нравилась Элла по простой причине: от нее яснее, чем от других, сквозило неприязнью и отвращением. Она и разговаривала с ним так же: ни слова сочувствия. Слова ради слов. Как-то он попытался было отследить график дежурств, чтобы хотя бы знать, когда нужно собираться с силами, но из-за постоянных изменений отказался от этой идеи.

Он лежал здесь уже три месяца. Сначала его вывозили в холл по вечерам, пытались вовлечь в жизнь пансионата, но он ненавидел это выставление себя напоказ в качестве героя фильма ужасов. Он хотел быть один. Наедине со своими мыслями.

Очнувшись после случившегося, он испытал шок от собственного уродства, но при этом не знал, что именно произошло. Однажды где-то между многочисленными операциями он подслушал разговор врачей, которые обсуждали, как необъяснимая утечка бензина могла привести к взрыву газонокосилки. Сам он помнил только, как зашел в гараж, чтобы починить двигатель Бриггс Страттон, и в тот момент, когда наклонился над газонокосилкой, все вокруг почернело. Лишь после перевода в пансионат ему пришлось в голову, что взрыв вовсе не был несчастным случаем. Не проходило и дня, чтобы он не ломал себе голову, пытаясь понять, кто и зачем это сделал, но единственное, в чем он был уверен, — его не пытались убить. Наказанием было не то, что произошло полгода назад в гараже. Его наказывали сейчас каждым болезненным вздохом. И наказание будет длиться до тех пор, пока однажды его силы не иссякнут.

ГЛАВА 4

Бергер Фалк осторожно стряхнул еще немного земли со скелета, присел и внимательно рассмотрел грудную клетку погибшего. Ни одной целой кости. Конечно, можно объяснить подобные травмы падением, склон в этом месте был весьма крутым, но что-то подсказывало офицеру, что это совсем не так, к тому же на черепе не было никаких повреждений. Не бей по лицу, не оставляй следов там, где другие могут их увидеть.

Останки поплыли перед глазами, и перед Фалком предстало лицо человека, которого он хотел бы забыть навсегда. Улыбка редко появлялась на нем, но даже когда внешне он выглядел беззаботным и радостным, скрытая ненависть сквозила в его чертах. Полжизни Фалк пытался найти ответ на вопрос, за что, но в итоге смирился с тем, что причины он никогда не узнает. Он вытянул левую ладонь. Два пальца были искривлены, переломы срослись неправильно. Последний привет от отца, оставшийся на всю жизнь. От отца, который так никогда и не ответил за свои злодеяния.

Домой Фалк попал уже затемно. Стая бездомных кошек бросилась врассыпную с лестницы, когда он завернул за угол дома, а затем, убедившись, что это именно он, замерла

в ожидании. Офицер знал, что не успеет он закрыть за собой дверь, как все эти создания снова разместятся на лестнице. Знал он и то, что ему не будет покоя, пока он их не покормит. Правда, у добродушия была и своя цена. В его скромном садике пахло далеко не сиренью. Бездомные кошки были давней проблемой Рейне. И все меньше людей стремились им помогать. Возможно, именно поэтому возле дверей Фалка кошек становилось все больше.

Он принял душ, стараясь согреться. Улав Рист доставил к месту находки ленсмана, и при помощи криминалистов останки были осторожно извлечены из земли. Теперь дело оставалось за судмедэкспертами, которые должны были составить заключение. Фалк поделился своим предчувствием с ленсманом, но не нашел понимания, тот склонялся к версии о кладбище, на котором можно найти и не такое, если поискать.

Возможно, и все же не так. Это был ребенок. Искалеченный ребенок.

Фалк приготовил себе самый простой ужин, яичница-глазунья на куске хлеба, и поел прямо перед компьютером. Иконка в правом углу экрана подмигивала и сообщала, что у него есть новое сообщение. Как и ожидалось, оно было от Ольги. Опасаясь и одновременно предвкушая, он открыл письмо и по какой-то причине представил себе единственную Ольгу, которую он знал, — злобную дылду из Сёрвогена. Но в этот раз Ольга приложила свою фотографию. Он поспешил открыть приложение, надеясь, что она будет совсем не похожа на болтунью из Сёрвогена,

но в то же время ее красота не прогонит прочь сказку, которая еще толком и не началась. Она оказалась вовсе не такой, какой он себе ее представлял, и он осознал, что на самом деле мечтал, чтобы женщина оказалась похожей на Кристину.

Фалк понимал, что большинство мужчин назвали бы Ольгу симпатичной, сам же он решил, что у нее чересчур яркие черты лица, поэтому первое впечатление было неоднозначным. Он прочитал письмо и признал, что впереди ждало что-то необычное. Сразу же в голову пришла мысль, что события развиваются слишком быстро, и он тут же пожалел о том, что дал себя уговорить. По правде, Сандра могла подбить его и не на такое. Фалк боготворил свою дочь, можно даже сказать, жил только ею, возможно, именно поэтому она настаивала, чтобы он нашел себе женщину. Тогда она смогла бы жить своей жизнью. Он нажал кнопку ответа, но слова исчезли. Исчез и голод, и он отодвинул от себя тарелку. Он правда этого хочет? Он попытался настроиться, но в мыслях была только Кристина.

Фалк неоднократно обследовал место, где машина съехала в кювет. Свободное падение с высоты пятнадцати метров не оставляло шансов выжить. Никакие другие машины в аврии не участвовали, вскрытие не показало никаких нарушений в организме. Это вынуждало его пересматривать последние годы их совместной жизни и отчаянно выискивать какое-нибудь упущение, нечто, подтверждавшее, что не все было так, как он себе представлял. За полгода он еще глубже ушел в депрессию, но затем попытался успокоить себя мыслью о том, что иногда случайности все-таки

встречаются. И все же в глубине души он так и не смирился с обстоятельствами смерти жены.

Фалк зашел в кабинет, шкаф в котором от пола до потолка был заполнен папками. В детстве он любил лежать, прижавшись ухом к радиоприемнику во время спортивных передач, и заполнять страницы результатами и показателями. И хотя он уже давно нашел себе более обычное хобби, он все еще собирал то, что вряд ли когда-нибудь кому-нибудь понадобится. Случалось, что по вечерам он доставал одну из папок и пробуждал воспоминания о событиях, которые ощущались на удивление недавними.

Но идиллии пришел конец.

Фалк бросил взгляд на рисунок, который прикрепил к стене в углу. Зачем он его там повесил, он и сам не знал, ну разве что затем, что тот тоже служил отголоском прошлого. Однажды весной его вызвали в гараж неподалеку от дома, там произошел несчастный случай. Даже описание пострадавшего производило сильное впечатление, но запахи оставили неизгладимый след. Так как начальник пожарной службы признал, что причиной пожара стал взрыв газонокосилки, дело тут же закрыли. И все же кое-что заставило Фалка сомневаться. На одной из стен, почерневших от сильнейшего дыма, висел этот рисунок — прямо под крышей. На листе было изображено уродливое лицо, оно заставило офицера вспомнить то, что он долгие годы пытался забыть. Он незаметно снял рисунок со стены и забрал с собой, с тех пор тот и висел здесь. Не проходило и дня, чтобы Фалк не вглядывался в него, пытаясь

понять его значение. На него смотрело лицо, нарисованное грубыми мазками, резкими контрастными красками. Оно было недружелюбным и недобрым. Он был уверен, что рисунок нарисовал ребенок, к тому же это скорее была маска, а не лицо. Застывшие черты, черные злые глаза, кроваво-красные зрачки. Это была маска, которая кричала о страдании. В детстве он и сам рисовал что-то похожее и мог прекрасно почувствовать сквозившую боль. Взгляд маски почти гипнотизировал его. Что же такого увидели эти кроваво-красные глаза? Что пришлось пережить человеку, который спрятался за маской? Фалк знал, что о происшествии в гараже он точно не забудет.

ГЛАВА 5

Мужчина наблюдал за ней через окно. Она сидела в гостиной и смотрела телевизор. Ее лицо по-прежнему ничего не выражало, казалось, она не была способна чувствовать ни радость, ни горе. Но ему было виднее.

Она горевала.

Она встала, он перевел взгляд на следующее окно. Через мгновение она оказалась на кухне, где, как ему показалось, приготовила себе пару бутербродов. Двигалась она медленно и размеренно, будто проживая жизнь в замедленном темпе. И, возможно, так оно и было: она жила медленно.

На ней была желтая блузка. Он давно уже заметил четкий график — определенная одежда на каждый день недели. Сегодня был понедельник. И желтый цвет. Она достала поднос из нижнего ящика кухонного шкафа и пошла обратно в гостиную. Он снова удивился, как она может есть всухомятку. Неважно, что именно она ела: полноценный обед или перекус, правило было одним и тем же: стакан молока через десять минут после еды. Ему захотелось пить от одной мысли об этом. И вот она сидит в гостиной, уставившись в телевизор, ни разу не переключив канал. Ему и это казалось весьма странным. На какой бы

канал она ни попала, включив телевизор, весь вечер она смотрела только его. Пустая жизнь.

Он еще немного побыл у нее. Затем свернул подстилку, которую связала ему мать, и ушел. Следующей остановкой был пансионат. Он старался держаться склонов у дороги, чтобы никто не заметил его ночных блужданий. Местность была покрыта порослью травы, так что он двигался мягко и осторожно. Вечер и ночь были его временем. Никакого шума от машин и лодок, лишь легкий плеск волн, а если ветер усиливался, то слышались тяжелые удары морской воды о скалы и валуны. Миновав Райнехалсен, он спустился к морю, чтобы не попасть в свет дорожных фонарей. Он шел по кромке воды, пока не дошел до деревни. Перешел дорогу в самой затемненной части и почти сразу же оказался в кустах возле пансионата. Взглянул на часы. Без четверти одиннадцать. Через пятнадцать минут погасят свет. Он не понимал, зачем его вообще включают. Для пациента в палате 211 ночь была вечной.

Проверив дважды, что за окном никого не было, он достал маленькую лестницу, спрятанную в траве. Быстро добрался до оранжевого здания, бесшумно приставил лестницу к стене. Четыре ступеньки, и он достиг окна палаты 211. Монстр лежал на спине — как обычно. Глаза закрыты, точнее, веки слиплись и стали похожи на окаменевшие слезы в глазницах. Остальное лицо покрывали пятна обгоревшей кожи, более светлые участки, видимо, пересажены. Наверное, его лишенный кожи затылок нещадно потел. На шее и на груди так же виднелись явные следы

пламени, как и на той части тела, которая торчала из-под одеяла. Его сильно поджарили...

Такова судьба, она злопамятна и воздаст за деяния. Лежи и вспоминай о том, как ты жил до пожара — задолго до пожара. Подумать только, сколько же боли ты причинил! Дверь в палату отворилась, и он поспешил спрятаться. Они всегда заходили к пациенту с ожогами перед тем, как выключить свет, чтобы удостовериться, что тот все еще дышит. Прошло не больше минуты, и свет погас. Он попробовал снова взглянуть в окно, но шторы были задернуты.

Обратно он пошел той же дорогой, держался кромки воды, уверенно перешагивая по покрытым растительностью камням. Пахло водорослями и соленым морем, а позже, когда он протиснулся между столбами пристани, его настиг запах рыбы и просмоленного дерева. Этот запах был знакомым и надежным. До дома он добирался час, а если бы пошел по шоссе, то дошел бы за двадцать минут.

Покосившийся домик находился в самой отдаленной части Рейне, притом что большая часть деревни прижималась к подножию гор. Он был зажат между большими и малыми валунами на склоне в паре сотен метров от остальных зданий. Могучие камни никогда не казались ему опасными. Они защищали от непогоды и ветра и олицетворяли одиночество и безопасность. Он достал ключ из потайного места за обшивкой дома. Они с мамой договорились, что, уходя, он всегда будет запирает дверь, так как она не смогла бы прогнать непрошенных гостей. Запах обьял его сразу же, как только он переступил порог, сильный,

но вовсе не неприятный. Это был запах дома Шура Симскара. Его дома. Он расправил загнувшийся коврик и прошел на кухню.

— Дома! — крикнул он и повесил куртку на спинку стула. Похоже, у нее все хорошо.

Комок в груди рассосался, и ему нравилось чувствовать, что слова снова текут свободно, как всегда, когда он говорил с мамой. Он открыл холодильник и глотнул молока прямо из пакета. Оно было кислым, ужасно кислым. Он проверил срок годности. На пять дней просрочено. Ему скоро придется сходить в магазин, ничего не поделаешь. Старая привычка. Когда-то он откладывал поход в магазин до тех пор, пока не начинал действительно голодать. Но не сейчас. Когда до магазинов Рейне добралась система самообслуживания, он стал свободен. Теперь можно наконец забыть о семи годах школьного ада. Он выбирал именно те продукты, которые хотел купить, а не те, которые умел произносить. Например, молоко. Сколько раз он стоял у прилавка, а делящаяся вечность «ММММ» не давала ему вздохнуть. Старушка Вален его понимала, а вот еще одна продавщица смотрела вопросительно и даже не пыталась скрыть удовольствие от его паники, от стремительно краснеющего лица. От воспоминаний сердце забилося чаще. Больше пятидесяти лет слова застревали в гортани. Только от одной мысли об этом внутри все сжималось. Но теперь он был в безопасности. Дома. Дома с мамой.

ГЛАВА 6

Фалку приснился отец. Он давно уже не был главным героем его снов, но вот появился снова, и еще отчетливее, чем раньше.

Скованность от этого сна все еще ощущалась в теле, хотя была уже половина одиннадцатого утра. Фалк сидел за столом с первой за сегодняшний день чашкой кофе. Кофе остыл, остыл уже давно. Офицеру позвонили почти сразу же, как он зашел в кабинет. Звонил Дрейер, ленсман из Лекнеса, чтобы сообщить, что отчет судмедэксперта готов. Насильственная смерть, сказал он. Теперь мы знаем.

Теперь мы знаем.

С той секунды, как Фалк поднял с земли сломанные фаланги пальцев, он знал это. Он уже пытался связаться с патологоанатомом, но его попросили перезвонить после десяти. Он снова набрал номер, который записал на листочке, и попросил соединить его с мужчиной, который, судя по имени, был этническим немцем. Женщина в телефон произнесла имя немного по-другому, и через пару секунд эксперт взял трубку.

— Хертцхайм, — голос звучал на удивление норвежским.

Офицер представился и объяснил, по какому поводу звонит.

— Мы руководствуемся сухими фактами, — сказал патологоанатом, а затем продолжил, вздохнув. — Но ведь и у нас есть чувства. Мы делаем свои выводы.

— Насилие?

— Хм. Повреждения не могут быть вызваны падением, это точно. Для того чтобы разmozжить кости до такой степени, нужно упасть с очень большой высоты...

Фалк почувствовал, что холодеет.

— ...К тому же при падении были бы сильнее повреждены крупные кости.

— Значит ли это, что нет переломов...

— Я сказал, сильнее. Боюсь, что в данном случае мы говорим об одном сплошном переломе. У парня нет практически ни одной целой кости.

Фалк прижался к трубке.

— Я видел много переломов от падений. Все они похожи друг на друга. Боюсь, что этот случай выдающийся. Я как профессионал прихожу к заключению, что мальчику нанесли эти травмы при жизни, хотя все мое нутро отказывается в это верить. И в то же время у меня нет никаких сомнений: травмы привели к смерти. При этом за все тридцать два года практики я никогда не видел ничего подобного.

Фалк смог оторваться от трубки, лишь когда гудки заполнили его голову. Именно сейчас в этой какофонии он осознал, что возненавидел отца с первого удара, и эта

ненависть до сих пор жила в нем. Отец не только украл у него детство, он отобрал и значительный кусок взрослой жизни. Фалк почувствовал, как подкатывают слезы, и, даже понимая, что, дав им пролиться, в очередной раз окажется проигравшим, не смог их сдержать.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Я хочу поблагодарить моих редакторов — Карен Форберг и Аннетте Орре — за полезные советы и активное участие в моей работе. Я обращаю внимание читателей на то, что, описывая Рейне и окрестности, я позволил себе некоторые топографические вольности. Некоторые скалы я сделал круче, чем они есть. А в Рейне на самом деле нет полицейского участка. В остальном я пытался с уважением описывать природу и местность, хотя нередко слова бессильны передать все могущество уникальных Лофотенских островов.

ШТОРМ

Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	43
Глава 10	49
Глава 11	58
Глава 12	60
Глава 13	64
Глава 14	66
Глава 15	76
Глава 16	79

Глава 17	97
Глава 18	99
Глава 19	101
Глава 20	108
Глава 21	110
Глава 22	111
Глава 23	114
Глава 24	120
Глава 25	122
Глава 26	127
Глава 27	133
Глава 28	135
Глава 29	141
Глава 30	143
Глава 31	152
Глава 32	156
Глава 33	164
Глава 34	166
Глава 35	185
Глава 36	197
Глава 37	198
Глава 38	202
Глава 39	204
Глава 40	206
Глава 41	217
Глава 42	223
Глава 43	227
Глава 44	237

Глава 45	238
Глава 46	240
Глава 47	243
Глава 48	248
Глава 49	249
Глава 50	253
Глава 51	254
Глава 52	256
Глава 53	261
Глава 54	262
Глава 55	268
Глава 56	273
Глава 57	275
Глава 58	276
Глава 59	277
Глава 60	278
Глава 61	288
Глава 62	289
Глава 63	296
Глава 64	297
Глава 65	306
Глава 66	311
Глава 67	312
Глава 68	317
Глава 69	319
Глава 70	352
Глава 71	356
Глава 72	358

Глава 73	362
Глава 74	363
Глава 75	366
Глава 76	367
Глава 77	371
Глава 78	372
Глава 79	374
Глава 80	375
Глава 81	378
Глава 82	383
Глава 83	385
Глава 84	387
Эпилог	392
Примечание автора	395

ВТОРАЯ КНИГА ИЗ ЗНАМЕНИТОЙ СЕРИИ ДЕТЕКТИВОВ ОБ ИНСПЕКТОРЕ РИНО КАРЛСЕНЕ

Фруде Гранхус (1965—2017) — норвежский писатель, автор известной серии детективов, действие которых происходит на Лофотенских островах. Дикая северная природа с ее суровым климатом создает особую, напряженную атмосферу. Книги Гранхуса были номинированы на литературные премии и переведены на девять языков. Писатель умер в сентябре 2017 года, и последний роман «Исчезновение» был издан уже после его смерти. Первая книга серии — «Водоворот» — вышла на русском языке в 2020 году.

РОМАН «ШТОРМ» СТАЛ НОМИНАНТОМ ПРЕМИИ RIVERTONPRISEN ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА И ЕЖЕГОДНОЙ ПРЕМИИ КНИГОТОРГОВЦЕВ VOKHANDLEPRISEN

Однажды ночью в шторм на Лофотенских островах в районе рыбацкой деревни Рейне с горы сходит оползень. Образуется глубокая расщелина, открывающая то, что на первый взгляд похоже на старые человеческие кости. Только очень маленькие.

В деревенском доме-интернате есть пострадавший при пожаре постоялец. Огонь отобрал у него зрение и речь, и он не может никому пожаловаться на то, что боль усиливается, ведь кто-то делает все возможное для того, чтобы ему становилось хуже день ото дня.

Роман Ф. Гранхуса — яркий пример скандинавского детектива, где сюжет до последней страницы оставляет читателя в напряжении и не дает отложить книгу.

